

Проведя в санатории больше полумесяца, Чжан-цзун с его вечно крепким, выносливым телом изнывал от безделья. Лежать пластом и нагуливать жирок ему совсем не хотелось — от вечного покоя уже ныли все кости. К тому же каждые несколько дней к нему заявлялся старый приятель Ду Минцзюнь, не упускавший случая донять его своей болтовней.

Секретарь регулярно навещал его с отчетами. Даже на больничной койке Чжан-цзун не забывал о делах, проявляя завидное рвение.

Кроме того, телефон разрывался от звонков от знакомых. Звонил и сицилийский судостроительный магнат, господин Цзян, и старший дядя Пэй И — Сюй Циюэ.

Как признанный эксперт по распознаванию дешевого притворства, Чжан-цзун давно раскусил мотивы каждого. Старый прохвост Ду Минцзюнь заявлялся исключительно ради того, чтобы подействовать на нервы: его мысли крутились либо вокруг секса, либо вокруг займов да совместного бизнеса. Звонки же господина Цзяна из-за океана, с которым они вели переговоры о сотрудничестве в сфере отелей и казино, преследовали лишь одну цель — вывести, насколько Чжан Шаочи плох. Магнат безумно трусил, как бы тот не отдал концы и не сорвал сделку; если бы дела пошли к худшему, Цзян без лишних сантиментов переключился бы на другого партнера, не желая терять драгоценное время.

Что до Сюй Циюэ, шурина из клана Пэй, который в свое время знатно подгадил Чжан-цзуну в делах компании, его «забота» сводилась к злорадному любопытству: «Ну что, старина Чжан, паршиво тебе? Сильно приложило?» Тот все еще не забыл вывихнутое плечо и жаждал поквитаться. Видеть Чжан Шаочи беспомощным, с подвешенной на перевязи рукой — для Сюй Циюэ это было лучшим подарком. Так тебе и надо, заслужил!

В сером, затянутом вечным смогом Яньчэне он уже насиделся по горло. Теперь ему нестерпимо хотелось увидеть чистое, безоблачное синее небо.

Глубокой ночью, когда в палате воцарилась тишина, а лампа у изголовья отбрасывала мягкий теплый свет, Чжан-цзун в одиночестве листал какую-то праздную книгу. Вдруг экран телефона ожил — снова дала о себе знать его «мартовская кошечка».

Голосок Сюй Жаня так и сочился медом:

— Босс, я как услышал, что вы ранены, чуть с ума от жалости не сошел! Напишите адресок и номер палаты, а? Приеду, засвидетельствую вам свое почтение.

— Обойдешься, — отрезал Чжан Шаочи. — По видеосвязи на меня попялился, и хватит. Считай, выразил почтение виртуально.

Палата ломилась от подношений, которые непрерывным потоком везли многочисленные визитеры. Чжан Шаочи лениво перебирал коробки. Сюй Циюэ прислал панамский кофе копи-лувак и бирманский сандал, а Ду Минцзюнь расщедрился на несколько комплектов шелковых

пижам и белья — сплошные соблазны, толкающие на путь праздности и порока.

Взгляд Чжана зацепился за кокетливый розовый пакет. Судя по нелепой упаковочной бумаге с пышным бантом, вещь приволокли из какого-то бутика вроде Victoria's Secret.

Откинувшись на подушки, он выудил из пакета на удивление изящную, экзотического вида коробку, испещренную непонятными закорючками какого-то юго-восточного языка.

Вскрыв ее, Чжан Шаочи остолбенел, а к лицу его хлынула горячая кровь. Внутри лежал мастурбатор новейшей модели из высокотехнологичного силикона, способного, как гласила реклама, с абсолютной точностью имитировать нежное прикосновение кожи юных парней и девушек.

Теряя дар речи, он заглянул в пакет глубже и обнаружил там флакон массажного масла с ароматом тайского флердоранжа и сопроводительную открытку.

Почерк был до боли знакомым — каждая буква буквально резала глаза.

* «Уважаемый господин Чжан, несчастный случай, произошедший во время нашей поездки, целиком лежит на моей совести. Я не сумел уберечь вас и безмерно корю себя за то, что вы пострадали. Позвольте преподнести этот скромный дар в знак моего глубочайшего раскаяния. Как только вы поправитесь, я непременно принесу вам личные извинения. Желаю скорейшего выздоровления, и пусть удача сопутствует вам во всем».*

В ярости Чжан Шаочи замахнулся, намереваясь зашвырнуть эту похабную игрушку в противоположную стену. Но вовремя остановился. Кулак так и замер в воздухе. Сжав присланный черт-те откуда «презент» до хруста в пальцах, он злорадно рассмеялся:

— Ну надо же, каков паршивец...

В этом был весь Пэй И, его фирменный издевательский почерк. Этот невыносимый мальчишка с самого детства отличался скрытной, изощренной вредностью. Стоило им повздорить, как он выкидывал нечто подобное, доводя Чжана до белого каления и оставляя совершенно безоружным.

«Какая трогательная забота, — зло подумал Чжан Шаочи. — Знает ведь, зараза, что я тут один в пустой постели кукую, тоскливо пялясь в окно на чужие праздники. И правда, без этого латекса и флакона смазки мне сейчас никак не обойтись».

Чжан Шаочи схватил телефон и набрал сообщение:

* «Посылку получил. Сам-то каждый день этой дрянью пользуешься? Приятно?»*

Сообщение ушло мгновенно. Спустя долю секунды экран телефона тускло осветил лицо молодого человека, затаившегося в густой тени у самого окна палаты.

Вокруг стояла мертвая тишина — ни звука, ни шороха. Отправляясь на вылазку, командир Пэй всегда переводил все устройства в беззвучный режим, чтобы не выдать себя. Короткая строчка на дисплее беззвучно отзывалась в его груди, пустив по телу легкую, сладкую дрожь.

Ответ Пэй И был лаконичен:

* «Невероятно. Очень рекомендую попробовать».*

Чжан Шаочи отреагировал моментально:

* «Почему ты боишься показаться мне на глаза?»*

Пэй И пристально смотрел на светящийся экран. Лицо его оставалось непроницаемым. Место, которое он выбрал, позволяло сквозь узкую щель в плотных портьерах наблюдать за мужчиной, полулежащим на кровати. Он часами караулил здесь, выбрав идеальный ракурс.

Ноги уже затекли от двухчасового неподвижного ожидания. За это время он видел, как заходил и уходил личный секретарь Чжан Шаочи.

Пэй И мысленно молил лишь о том, чтобы ночник у изголовья не гас как можно дольше, иначе он лишится возможности наблюдать за ним.

Пальцы его, привыкшие к оружию и клавишам шифраторов, двигались на редкость медленно. Дело было не в ловкости — его сковывали эмоции.

* «Простите за то, что случилось. Мне действительно очень жаль. Пожалуйста, не злитесь на меня. Поправляйтесь скорее, а поговорим как-нибудь потом».*

Неожиданно покорная просьба о прощении от этого гордеца ошеломила Чжан Шаочи. Вспышка раздражения угасла, уступив место странному, щемящему чувству. Неужели в этих отношениях еще теплилась надежда?

* «Ты где? А ну живо марш сюда».*

* «Я уже на другом краю света. Так что не докачусь».*

Телефон снова требовательно зажужжал. Понимая, что это опять Сюй Жань рвется на видеозвонок, Чжан Шаочи отправил быструю угрозу:

* «Не явишься — клянусь, я найду, с кем провести эту ночь».*

Не дождавшись ответа, Чжан Шаочи окончательно рассвирепел и, приняв вызов от томящегося в ожидании Сюй Жаня, рявкнул в камеру:

— Усадьба Линсяо, пятьсот тридцать шестая палата. Живо сюда, прямо сейчас! И по дороге захвати пару порций вонтонов с мясом и зеленью в курином бульоне. Я голоден как собака.

Пэй И опешил. Он негромко кашлянул, подавая сигнал своему помощнику, и вполголоса спросил через гарнитуру:

— Что он сейчас сказал? С кем он там общается?

Оперативник под кодовым номером «003», Фань Гао, который в этот самый момент должен был нежиться в отпуске на пляжах Циндао и уплетать сочных крабов, вместо этого сидел в засаде, обеспечивая прикрытие своему безумному шефу.

В качестве компенсации за сверхурочные командир расщедрился и купил ему точно такой же мастурбатор. Фань Гао тогда долго ворчал, и эта история грозила пополнить список нелепых баек об их группе НАФ-А. «В нормальных отделах начальство сотрудников на свидания отправляет и свадьбы им оплачивает, — бубнил Фань Гао, — а у нас каждому холостяку просто выдают по резиновой бабе!»

Сейчас Фань Гао лихорадочно стучал по клавишам ноутбука:

— Сейчас гляну, командир. Я не сразу успел взломать поток... Он уже отключился. Звонили с аккаунта Сюй Жаня. О боже, шеф, перехватите эту похотливую козявку! Гоните его в шею! Почему вы сами не зайдете к нему? Неужели он вас выставит за дверь?

Пэй И вдруг бессильно опустился на пол и спрятал лицо в коленях. На него накатила глухая, тяжелая тоска. Не хотелось ни говорить, ни двигаться.

— Шеф... — тихо позвал Фань Гао через наушник. — Перестаньте себя мучить. Возвращайтесь. Я вас обниму, чаем напою.

Пэй И сидел сжавшись в комок, словно страус, прячущий голову в песок от суровой реальности. Он всегда верил, что стоит закрыть глаза, и все былые раны затянутся, а воспоминания унесет бурным течением времени. Но почему тогда грудь до сих пор так невыносимо кололо, словно сотней острых игл?

Не глядя на экран, он вслепую набрал два коротких слова и отправил их Чжан Шаочи.

Глубокой ночью избалованная «кошечка» действительно проявила поразительное послушание и примчалась в усадьбу.

Пэй И своими глазами видел, как роскошный автомобиль Сюй Жаня въехал в ворота и припарковался под окнами. Тот, сияя от восторга, выпорхнул из салона с пакетами дымящейся еды и побежал навещать своего обожаемого босса.

Ночник в палате горел до самого утра. И вопреки всем ожиданиям, эти двое провели ночь не в любовных утехах, а за долгими разговорами по душам, каких у них никогда прежде не бывало.

Чжан Шаочи, так и не сомкнувший глаз, швырнул Сюй Жаню увесистый том с тумбочки:

— Читать умеешь? Давай, почитай мне вслух. Начни вот с этой главы.

Несчастный Сюй Жань, засыпая на ходу и едва разлепляя веки, просидел на краю постели до рассвета, монотонно бубня под нос сборник классической прозы. За эту ночь он будто заново прошел весь школьный курс литературы. Почувствовав себя небывало просвещенным, Сюй Жань внезапно осознал тщетность плотских утех, преисполнился духовности и познал истинный дзен.

— Босс, — сонно пробормотал он, криво усмехнувшись. — Вы ведь все еще тоскуете по Пэй И, верно? Неужели вы и правда так сильно его любите?

Чжан Шаочи даже не подумал отпираться:

— Да. Люблю. И очень сильно.

Небо в ту ночь затянуло тяжелыми тучами, скрывшими луну. Но мягкий серебристый свет по-прежнему сиял в их памяти — чистый, ясный, связывающий их сердца вопреки всему.

На экране телефона Чжана все еще светилось сообщение, отправленное Пэй И вслепую. Два дерзких, яростных слова:

* «Только посмей!»*

Глядя на эту гневную, собственническую выходку, Чжан Шаочи невольно улыбнулся. Ему стало на удивление тепло на душе. Ишь какой грозный выискался! Но именно эта дерзость, этот невыносимый характер доказывали, что на том конце провода — его любимый маленький мерзавец, а не какой-то безликий подражатель. Та слащавая отписка с извинениями и пожеланиями здоровья точно была фальшивкой, написанной будто под диктовку. Настоящий

Пэй И умел лишь выматывать ему нервы и доводить до бешенства.

В те годы, когда они оба были значительно моложе, а Пэй И еще учился в университете, Чжан Шаочи регулярно снабжал его деньгами втайне от остальных. Он ни в чем не отказывал парню, давая ему столько карманных расходов, что тот мог ни в чем себе не отказывать и вести самый праздный образ жизни. Пэй И покупал дорогие электрогитары, барабанные установки, брендовую обувь и одежду.

Чжан Шаочи сам водил его по клубам и барам, считая, что молодому парню полезно повидать жизнь. В этих наполненных неоновым светом заведениях царила атмосфера вечного праздника и порока — идеальное место для горячей, ищущей острых ощущений молодежи.

Симпатичные мальчики из эскорта в таких клубах стоили недешево, но для Чжан Шаочи это никогда не было проблемой. Он беззаботно кружил их в медленных танцах под приглушенной светомузыкой. Он был холост, эти мимолетные связи не накладывали никаких обязательств и не действовали чувств — просто развлечение на одну ночь.

Но в один из таких вечеров сидевший в углу дивана юноша вдруг резко поднялся. В полумраке трудно было разглядеть выражение его лица, но голос прозвучал на редкость упрямо:

— Второй дядя... Потанцуй со мной. Я тоже хочу.

Вскоре после этого Чжан Шаочи уехал в двухнедельную командировку, и в его отсутствие дома разразилась настоящая буря. Позже Сюй Циюэ и Ду Минцзюнь наперебой живописали ему те события, так и брызгая слюной от восторга: «Твой племянничек совсем с катушек слетел! Ты хоть знаешь, что этот сумасшедший устроил?»

Как оказалось, один из тех клубных мальчиков имел наглость заявиться к Чжану домой. На его стук дверь распахнул молодой Пэй И, который, судя по всему, только этого и ждал. Он смерил незваного гостя ледяным взглядом и процедил: «Чтобы ноги твоей здесь больше не было. Это мой дом».

Тот попытался было заканючить:

— Но разве это не дом моего милого братика Чи?

Ревнивый «племянник», насмерть перекрывший проход, мгновенно взвился на дыбы:

— Как ты его назвал, шлюха? Братик Чи? Он только мой брат! И только мой мужчина — я уже с ним переспал, ясно?! Еще раз увижу тебя здесь — прирежу на месте!

Разборка быстро переросла в рукопашную. Со стороны это походило на яростную драку мартовских котов. Пэй И расцарапал щеку до крови, но он не остался в долгу: схватил из

морозилки ледяную банку пива и со всей дури зарядил сопернику прямо в лоб. Парень взвыл от боли, схватился за огромную шишку и, заливаясь слезами и кровью из рассеченной брови, в ужасе сбежал.

Об этой безобразной сцене тогда гудел весь их круг. Сюй Циюэ тогда устроил Чжану настоящий допрос с пристрастием:

— Наш племянник, пусть он и не родной сын моей сестры, действительно лег под тебя? Шаочи, ты совсем стыд потерял! Ты хоть понимаешь, что натворил? Отвечай прямо: спал ты с ним или нет?

Чжан Шаочи отнекиваться не стал и молча взял всю вину на себя. Он выплатил бывшему любовнику щедрые отступные, оплатил расходы на наложение швов и пластику, после чего навсегда выставил его из своей жизни.

Когда парень, размазывая слезы, в истерике вопрошал, за что с ним так поступают, Чжан Шаочи спокойно ответил:

— Моему сокровищу это не нравится. А он для меня важнее всех на свете.

В тусовке шептались, будто у главы кинокомпании «Цзяхуан» гарем из сотен фаворитов, но все это были досужие сплетни обывателей. Тот клубный мальчишка стал его последним увлечением. С тех пор Чжан Шаочи больше никого к себе не подпускал — да и как тут рискнешь?

С таким свирепым и ревнивым «племянником» под боком любая попытка закрутить интрижку на стороне грозила закончиться грандиозным скандалом. Чжан прекрасно понимал: сорвись он хоть раз, этот паршивец живьем с него шкуру спустит и яйца оторвет. Характер у парня был просто пороховая бочка...

В памяти всплыл один ненастный вечер. Лил проливной дождь. Чжан Шаочи привез своего любимца из университета. Он сидел в машине и заворожено смотрел, как Пэй И, набросив дождевик, легко бежит к дому, шлепая длинными ногами по лужам. Этим изящным силуэтом он мог любоваться бесконечно, готовый выполнить любой каприз своего сокровища.

Но Пэй И, добежав до крыльца, вдруг замер. Он не стал заходить внутрь, а развернулся и бросился обратно к машине. Дождевик соскользнул с его плеч на мокрый асфальт.

Потоки холодной воды хлестали их по лицам, затекали за шиворот, струились по разгоряченной коже груди. Ресницы дрожали от капель, а сквозь насквозь промокшую ткань просвечивало упругое молодое тело. Черноволосый юноша мертвой хваткой вцепился в шею мужчины, безжалостно сминая его дорогой пиджак. Они столкнулись бедрами, и в следующее мгновение их губы слились в лихорадочном, отчаянном поцелуе — горячем, мокрым и бесконечном.

В ту ледяную ночь их дыхание и тела казались обжигающе горячими. Перебравшись на заднее сиденье автомобиля, они неистово срывали друг с друга одежду, поддавшись безумному, всепоглощающему порыву страсти, какого не испытывали никогда прежде. Проливной дождь не только не остудил пыл, но лишь сильнее раздул бушевавший в их душах пожар. В ту ночь они окончательно переступили черту, за которой пути назад уже не было...

— И когда это я успел с тобой переспать, а? — тихо спросил тогда Чжан Шаочи, глядя в его сияющие глаза. — Зачем ты всем треплешься, будто мы любовники?

— А ты хочешь этого сегодня? — выдохнул юноша, прижимаясь к нему всем телом. — Возьми меня. Обними крепче... Забери меня отсюда, вези к себе домой.

— Ты действительно так сильно меня любишь?

— Да... Очень люблю. И хочу, чтобы ты любил меня тоже.

Чжан Шаочи, который отродясь не отличался нежностью к своим партнерам, бережно укутал юношу в свое сухое пальто, ласково взъерошил его мокрые волосы и, приподняв за подбородок, запечатлел на его губах глубокий, полный щемящей нежности поцелуй.

«Пожалуйста, подари мне дом. Сделай так, чтобы у меня наконец было место, куда я могу вернуться. Забери меня к себе...»

* «Только посмей... Только посмей...»*

Пэй И сидел на подоконнике в крошечной тьме, боясь пошевелиться. Взгляд его был прикован к каждому движению Чжан Шаочи в освещенной комнате. Слишком острое зрение порой становилось настоящим проклятием — как бы он ни хотел заставить себя развидеть то, что ранило его душу, у него ничего не выходило.

Лишь на рассвете насмерть уставший Сюй Жань покинул палату, покачиваясь от недосыпа. Между ними ничего так и не произошло, да и дорогой мастурбатор остался лежать в коробке нетронутым.

Пэй И сам не заметил, как в порыве глухой ревности и злости сжал в кулаке край портьеры. Пальцы проткнули ткань в нескольких местах, и он принялся методично рвать ее на узкие полосы.

Когда горечь обиды подкатила к горлу, он тихонько шмыгнул носом. Оторванным лоскутом портьеры вытер влажные ресницы, стер бегущие по шее слезы и с силой высморкался. Одинокая фигура на подоконнике застыла, бездумно всматриваясь в светящееся окно. Завтра в

эту палату заселят другого пациента, и у него больше не будет возможности так близко наблюдать за любимым человеком.

Последние годы его жизнь превратилась в нескончаемую череду внутренних противоречий и мучительной борьбы с самим собой. Будущее казалось туманным и неопределенным. Он блуждал в потемках собственной души, не в силах отыскать истоки своего пути и понять, кто же он на самом деле. Куда вела эта дорога? Кем он стал?

Пэй И никогда не стеснялся своих чувств — ни слез, ни смеха. Он привык давать волю эмоциям, не заботясь о том, что подумают окружающие. Ему жизненно необходима была эта разрядка.

Чжан Шаочи не спалось. Ближе к утру он вышел в больничный коридор поразмять ноги, нарушая тишину ленивым шлепаньем больничных тапочек.

Проходя мимо лифтового холла, он повиновался внезапному внутреннему импульсу и резко обернулся.

Стальные створки лифта медленно сходились. В колеблющемся свете ламп стоял худой, невероятно красивый юноша. Он мягко улыбнулся Чжан Шаочи — загадочной, щемящей улыбкой.

«Сон?» — пронеслось в голове Чжана. Опомившись, он со всех ног бросился к лифту, потеряв на бегу один тапчек.

Он успел рвануть створку в самый последний момент. Сработал датчик, и двери лифта со скрежетом поползли обратно. Пэй И смотрел на него — в его глазах читались нежность и сожаление, но рука упрямо потянулась к кнопке закрытия.

Пэй И выглядел просто потрясающе в своем маскарадном наряде: белоснежный халатик медсестры, кокетливая шапочка, а из-под короткого подола виднелись стройные ноги в светлых чулках и туфлях на небольшом каблуке.

Его утонченные черты подчеркивал легкий макияж с мягким мерцанием на губах. Обычно вид накрашенных мужчин-актеров вызывал у Чжана лишь раздражение и брезгливость, но Пэй И выглядел настолько естественно и притягательно, что захватывало дух. Эта красота стирала границы полов, превращая его в истинное произведение искусства.

Сердце Чжана забилось как сумасшедшее. И тут его осенило: та медсестричка, которая весь вечер неторопливо возила каталку мимо его двери и на которую он даже не взглянул, была... Пэй И!

— А ну стой! Пэй И! — Чжан Шаочи изо всех сил вцепился в разъезжающиеся створки.

Пэй И лишь грустно покачал головой:

— Не надо, Второй дядя.

Они устроили настоящее противоборство упрямства и силы, буквально разрывая двери лифта руками. Створки вибрировали и угрожающе скрежетали под напором их пальцев.

Чжан попытался просунуть ногу в проем, но Пэй И ловким, выверенным ударом носка туфли попал ему точно по нервному узлу на голени. Нога Чжана мгновенно онемела, и он вынужден был отступить.

— Ах ты паршивец! — взревел Чжан Шаочи от злости и боли.

— Прости, Второй дядя... Береги себя и не сердись на меня, — прошептал очаровательный «медбрат».

Нога Чжана соскользнула, и его оставшийся тапочек слетел с ноги, влетев прямо в кабину лифта. Пэй И поймал его на лету и прижал к груди.

Пэй И аккуратно разжал его сведенные судорогой пальцы, и створки лифта с глухим стуком сомкнулись. Когда Чжан Шаочи, наплевав на приличия, босиком бросился вниз по лестнице и выбежал на улицу, изящный силуэт уже растаял в утреннем тумане больничного парка.

Чжан Шаочи остался стоять один на влажном асфальте, подставив лицо прохладному утреннему ветру.

Был ли он здесь на самом деле? Неужели Пэй И все это время находился рядом, оберегая его покой? Или это был лишь сладкий, безумный сон?

Нет, не сон. Он действительно приходил.

На самом деле все то время, что Чжан Шаочи лежал в больнице, командир Пэй исправно навещал его через день. Он караулил у палаты усерднее любого самого преданного друга, оставив далеко позади даже назойливого Ду Минцзюня. Вот только Чжан Шаочи об этом даже не догадывался.

Утерянный Чжаном тапочек он бережно забрал с собой, отмыл до блеска и поставил у своей кровати рядом со своим собственным — глупая, детская попытка сделать вид, будто они засыпают и просыпаются вместе.

Ночи сменяли друг друга, луна то скрывалась за тучами, то сияла вновь, а Пэй И все метался в сомнениях. Рука так и не поднялась постучать в темное стекло. Он так и остался стоять по ту сторону портьеры, укрытый спасительной тенью.

Глупо отрицать очевидное: эта случайная встреча всколыхнула в его душе целую бурю давно забытых чувств. Тоска по Чжану изнуряла его, терзала сердце, лишая сна и покоя.

В конце концов, все мы люди. Кому не страшно остаться в одиночестве? За долгие годы опасной службы Пэй И прошел через ад. Вспоминая бесконечные ночи, полные взрывов, смертельной опасности и запаха гари, когда теплая кровь заливала ему глаза, он больше всего на свете мечтал лишь об одном — оказаться в крепких, надежных руках Чжан Шаочи. Прижаться к его широкой груди, забыть обо всех кошмарах и почувствовать себя в безопасности под его защитой. Мечтал о том, чтобы дома его всегда ждал тихий уютный свет в окне.

Дошло до того, что он начал искать утешения в объятиях своей напарницы Не Янь. Они обнимались как старые подруги, делаясь наболевшим, и Пэй И с горечью осознавал, насколько же он одинок.

Но вместе с тоской его терзал жгучий, парализующий страх.

Анализируя события на круизном лайнере «Призрак Струнной Музыки», восстанавливая в памяти каждую деталь того налета, Пэй И пришел к страшному выводу, которым никак не мог поделиться с Чжаном. Пуля, ранившая Шаочи, предназначалась не ему. Чжан Шаочи закрыл его собой. Тот выстрел должен был оборвать жизнь Пэй И.

Чжан Шаочи — простой бизнесмен. У него не могло быть общих дел или старых счетов ни с Нин Фэйюем, ни с Ильей Неоянковским. Никаких смертельных обид, никакой кровной мести. Зачем тогда его заманили на этот злосчастный лайнер? Почему подставили под удар? Ответ лежал на поверхности: главной мишенью нападавших был сам командир оперативной группы Пэй И.

И пусть это было лишь его догадкой, она отравляла его существование. Пэй И просыпался посреди ночи в холодном поту, крича от ужаса. Перед глазами стояли кровавые брызги и искаженное от боли лицо Чжана. Он ворочался часами, не в силах прогнать эти кошмары.

Его раскаяние в открытке было искренним. Пэй И безумно боялся потерять этого человека. Он подставил под удар своего любимого второго дядю. И этот выстрел угодил в самую уязвимую точку самого Пэй И, ранив его в самое сердце.

Враги знали о нем слишком много. И то, что пуля зацепила лишь плечо Чжана, пройдя мимо жизненно важных органов, было чистым милосердием с их стороны. Нанеси они решающий удар прямо у него на глазах, Пэй И сейчас не сидел бы здесь, а оплакивал бы Чжана на кладбище, облачившись в траурные одежды.

Невидимый кукловод полностью контролировал ситуацию. С ним хладнокровно играли в кошки-мышки, расставляя капканы со сладкой приманкой. Враг не торопился убивать их сразу. Вместо этого он изматывал Пэй И морально, доводя до безумия изощренной пыткой ожидания перед тем, как нанести сокрушительный удар...

Поэтому Пэй И продолжал прятаться за плотной портьерой в углу комнаты. Он не смел сделать навстречу ни шага, боясь выдать свои чувства и навлечь новую беду на того, кто так отчаянно его ждал.

Им владел леденящий душу страх. Он знал: сделай он хоть одно неосторожное движение, и из темноты прозвучит новый, на этот раз смертельный выстрел.

<http://bllate.org/book/19434/1999002>